

**Библиотека
психоанализа**

И **НЦЕСТЫ**

**Жак
Андре**

**Анни
Бир**

**Моник
Бидловски**

**Моник
Курню-Жанэн**

**Андре
Грин**

**Франсуаза
Эритье**

**Натали
Зальцман**

Библиотека психоанализа

Франсуаза Эритье

Инцесты

«Когито-Центр»

2001

УДК 159.9
ББК 88

Эритье Ф.

Инцесты / Ф. Эритье — «Когито-Центр», 2001 — (Библиотека психоанализа)

ISBN 978-5-89353-503-7

В книге собраны выступления ведущих французских психоаналитиков и социологов на семинаре, посвященном проблеме инцеста. Основное внимание уделено определению инцеста в правовом, культурно-историческом и этническом аспектах. Обсуждаются разнообразные формы инцеста, критерии его выделения и его влияние на развитие индивида. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 159.9

ББК 88

ISBN 978-5-89353-503-7

© Эритье Ф., 2001
© Когито-Центр, 2001

Содержание

От редактора	6
Введение	7
Конец ознакомительного фрагмента.	14

**Жак Андре, Анни Бир, Моник Бидловски,
Моник Курню-Жанэн, Андре Грин,
Франсуаза Эритье, Натали Зальцман
Инцесты**

© Presses Universitaires de France, 2001

© Когито-Центр, 2017

* * *

От редактора

В книгу включены доклады, которые были сделаны в рамках моего семинара (Сент-Анн, 1998–1999).

В соответствии с предложениями участников тексты докладов были отредактированы и в какой-то степени переработаны.

Жак Андре

Введение

Ложе Иокасты

Жак Андре

Иокаста говорит Эдипу: «Не опасайся гимена матери: многие смертные в своих снах уже не раз делили постель со своей матерью. Кто придает меньшие значения таким вещам, тот легче проживает свою жизнь».

Dhe krwa dhe raiba Zi mao hin... Об этом говорят на всех языках и на все лады, включая и китайскую народность На, живущую на границе с Гималаями: «Не совокупляются с теми, с которыми едят из одной чаши и из одной тарелки», – нередко правила приема пищи являются одновременно и правилами поведения в постели, и наоборот. Почему нам следует знать традиции народности На? Потому что те, кто следуют их правилам, считаются с ограничениями, связанными с браком, не позволяют ни женщинам, ни мужчинам беспорядочно наносить ночные и тайные визиты, демонстрируют такую же непримиримость к инцесту, как и самые цивилизованные общества¹.

Универсальный, как и все явления природы, человеческий запрет на инцест является «основополагающим, означающим завершение перехода от Природы к Культуре». Эти известные слова Леви-Стросса, высказанные им в труде «Элементарные структуры родства» (1949), оставили глубокий след, хотя их торжественность со временем немного поубавилась, прежде всего, потому, что противопоставление Природа/Культура частично утратило свою важность. Природа не является той первичной средой, откуда будто бы появились люди; вероятно, понятие «природа» в неолите² само по себе уже было понятием культурным. И даже в тех случаях, когда это понятие претендует на постижение другой реальности, кроме человеческой, репрезентациям, из которых оно состоит, никогда не удастся отделиться от порождающего их восприятия. Когда речь идет об инцесте, картина животного («естественного, натурального») беспорядочного совокупления, которую Леви-Стросс противопоставляет человеческому устройству, сегодня не кажется нам сильно отличной от того, что изображают ранние мифы былых обществ, хорошо исследованных антропологией, в которых кровосмешение является правилом.

Сообщества обезьян, писал он, не придерживаются никакой «нормы», а их сексуальность сводится лишь к «связям, оставленным на произвол случайности».

После полувека этологических исследований животные уже не воспринимаются нами такими, как когда-то: не только обезьяны, но и остальные млекопитающие, даже гуси, во всяком случае гуси Лоренца. Рай животной любви, свободной от любого принуждения, был заменен на почти противоположную репрезентацию: систематически отвергаемый «инцест», его запрограммированное избегание, где трудно отличить генетическое от импринтинга. Любопытно, что разрыв между людьми и животными сохраняется, но тем не менее смещается. Картина беспорядочного спаривания животных изменилась от «везде и всегда» к «никогда и нигде»; иногда все же встречается животное, которое отходит от видоспецифического поведения, но в мире животных это не является *преступлением*. И, наоборот, в человеческих обще-

¹ Cai Hua, *Une société sans père ni mari: les Nade Chine*, PUF, 1997. Традиции народности На, описанные в диссертации Cai Hua, стали с тех пор предметом частых споров, особенно когда речь идет об отце (Chuan-Kang Shih. *L'Homme, numéro spécial: Question de parenté*, 2000).

² Ср.: Jean Pouillon, *Manières de table, manières de lit, manières de langage*, in *Nouvelle Revue de psychanalyse*, Gallimard, № 6, 1972. Мои заимствования из этой статьи превышают простое цитирование. – Прим. авт.

ствах инцест везде запрещен и в то же время *постоянно и везде совершается* в том или ином виде. Пропасть между человеком и животным сохранилась, изменился лишь ее вид.

То, что Леви-Стросс сформулировал в области антропологии, Лакан внес в область психоанализа: «Наиважнейшим является закон, регулирующий связи, накладывающий правила культуры на законы натуры/ природы и распространяющийся, в частности, и на правила совокупления»³. Можно с уверенностью сказать, что изучение воздействия этого закона на теорию и практику психоанализа еще не закончилось⁴, потому что оно вопреки фрейдовской идее указывает на несоответствие бессознательного, которым оперирует антрополог, с тем бессознательным, с которым сталкивается психоанализ: «Не странно ли, – пишет Лакан, – что некий Леви-Стросс полностью захватывает территорию, на которой, согласно Фрейду, царствует бессознательное, настаивая, что структура языка и часть социальных законов регулируют связи и филиацию?»⁵. Не возвращаясь к недавним дискуссиям⁶, в контексте проблематики инцеста достаточно лишь указать на продолжающиеся попытки подчинить аналитическую точку зрения взглядам социальной антропологии.

Либо мы трактуем инцест в терминах закона, следуя его определению в словаре Литтре: «Незаконное соединение родственных или породненных лиц в выходящей за рамки закона степени», либо, согласно Роберу, в терминах телесного контакта: «Сексуальные отношения между мужчиной и женщиной, являющихся родственниками или породненных в степени, запрещающей брак».

В каждой из этих двух ситуаций речь идет о *взрослых*, для которых «сексуальный» означает «генитальный» и которых объединяет нарушение запрета.

Для антропологической точки зрения центрация на взрослых не является недостатком, скорее, это необходимость, продиктованная самой природой предмета исследования: связей и отношений. Сложность возникает лишь когда психоаналитик думает, что он без всякого вреда может ввести символический план, регулирующий обмен (слов, женщин, благ), в лоно своих компетенций, где «сексуальное» диссоциируется от «взрослого» и «генитального» и даже от *запрета*. Нет никакого сомнения, что препятствия и всякого рода цензура, способствующие процессу вытеснения, принимают участие в формировании бессознательного. Является ли это его основным источником? Или же следует признать, что бессознательное формируется безграничной инфантильной сексуальностью, усилиями, которые прилагаются для ее психической проработки, экономической необходимостью психического аппарата расщеплять и благодаря этому как бы удерживать в стороне экссесс ярости и насильственности фантазмов, а также признать, что бессознательное формируется также и под угрозой распада, исходящей от воображаемого? Психозы редко возникают из-за запрета (или из-за его нарушения), чаще, наоборот, из-за его отсутствия, достаточно вспомнить психиатрические случаи, упомянутые Андре Грином.

При рассуждениях об инцесте одна из основных трудностей для теории психоанализа состоит, безусловно, в навязанной антропологией ассоциации инцеста с запретом на него: будто бы связь является инцестуозной только из-за запрета, с которым она сталкивается.

Пока мы рассуждаем, отталкиваясь от эдиповых желаний и преград, с которыми они сталкиваются, все, казалось бы, просто, но это, скорее, иллюзия. Но как только мы выходим за эти

³ Fonction du champ de la parole et du langage, in *Ecrits*, Seuil, 1966, p. 277.

⁴ Карикатурный пример: Франсуаза Дольто, какой бы ни была ее аналитическая интуиция, была убеждена, что в любой детской психотерапии необходимо найти случай и возможность озвучить ребенку запрет на инцест, ставший в то время важной частью нового свода психоаналитического Закона. Менее анекдотичным является изменение техники лечения: извлечение и возвращение вытесненного, по Фрейду, доступ к символическому, по Лакану. Аналитик-толкователь, дающий частые интерпретации, идущий по стопам Фрейда, молчаливый аналитик, играющий роль «я есть тот, кто я есть», продолжатель идей Лакана.

⁵ *Ecrits*, p. 285.

⁶ Ср.: J. Andre. Violences oedippiennes, in *Revue française de psychanalyse*, № 1, 2001.

рамки, следует ли говорить, как Лакан, что мы направляемся к «немыслимому»? Если же мы захотим исследовать, услышать и увидеть это «немыслимое», тогда мы сможем понять его как что-то составляющее суть психоанализа, его теории и практики, а не его отвергнутую часть.

«Психический инцест игнорирует запрет», – пишет Ж.-Б. Понталис⁷. Эта формулировка, которая, в частности, касается семантического смещения понятия инцеста, указывает на невозможность смягчения, камуфляжа сложности. Имеет ли в психоанализе понятие «инцест» только лишь метафорическое значение? Прежде чем процитировать отрывок из «Федры» Расина, полезно обратиться к словарю Робера, в котором автор, дав определение инцеста, позже добавил: «преувеличенная, инцестуозная любовь». Мы можем согласиться, что это «преувеличение» обозначает вход в психоаналитическую область. Человек, или, точнее, инфантильная сексуальность, *преувеличивает* сексуальность!

Сотрудничество, даже, можно сказать, соучастие Лакана и Леви-Стросса в становлении структурализма привело к тому, что, по крайней мере, во Франции в психоанализе стали делать упор на взаимосвязи между инцестом, запретом на него и символическим планом. Но для Фрейда и для нас, его последователей, такой подход связывается не столько с самим комплексом Эдипа, сколько с его «катастрофой» в том смысле, о котором пишет Расин во введении к пьесе «Феаида», где он трактует разрешение основного конфликта трагедии. Установление символического регистра и его правил, даже если он в прямом и переносном смысле подчиняется развитию ребенка в период перехода из дошкольного возраста в школьный, закрывает главу инфантильной сексуальности. А точнее, инфантильная сексуальность модифицируется, что приводит к ее различным искаженным проявлениям – от отдельных симптомов к творческой продукции, проходя при этом через полную дестабилизацию сексуальности, а именно ее конечных инстинктивных целей. Другими словами, психоаналитический подход к проблематике инцеста, опирающийся на примат символического плана, в конечном итоге отсылает к зоне второстепенного, к тому, что является сутью инфантильной сексуальности, а именно к силе воображаемого (его психической насильственности), к созданию фантазма (который становится «инцестуозным» из-за запрета, пытающегося его ограничить), а также к тревоге и удовольствию, которыми он питается.

Подход к вопросу об инцесте через воображаемое открывает широкий диалог между психоанализом и антропологией, особенно когда антропология пытается вновь внести ясность там, где доминировал лишь формализм структуры. Изменение этой точки зрения, предложенное Франсуазой Эритье, наполнено страстью, потому что она вновь помещает в центр проблематики инцеста фантаматику тела и его субстанций, а также потому, что она находит вновь тревожащую странность, предлагая неожиданную пару «мать – дочь», чисто женскую и гомосексуальную пару, которую она назвала «инцестом второго типа», обозначив новую парадигму инцеста.

Так же как перенос является повторением чего-то никогда не существовавшего, так и миф рассказывает о том, что никогда не происходило. В царствах, о которых говорит Монтень, «где прекрасно можно зачать детей с матерью, а отцам совокупляться с дочерьми и сыновьями», жители вели такой же образ жизни, как и обезьяны Леви-Стросса: фантазматический. Запрет на инцест мешает реализации генерализованного промискуитета, его «реальность» остается лишь его психической реальностью. Ни одним образом не приуменьшая проблематику инцеста, свобода воображаемого лишь означает отсутствие его меры. Степени преступления, а также меры наказания. Не только для «Федры» «*inceste*» (кровосмешение) рифмуется с «*funeste*» (роковой). Во все времена происшествия в Космосе, катастрофы (особенно они) в первую очередь находили объяснение в *in cestus*. Засуха, наводнения, голод, смерть домашних животных, болезни, рождение чудовищных или дегенеративных детей (монстры, уроды)... –

⁷ In *Fenêtres*, Gallimard, 2000, p. 135.

таковы лишь некоторые из возможных тяжелых последствий инцеста, отмеченные или предсказанные мифом или фантазмом. По крайней мере, пока не начнет расти щетина на лице, стирая расстояние между человеком и животным. Так народность На сформулировала свои верования.

* * *

Сцена из психоаналитической жизни... Я одолжил этот случай у одной из своих коллег. Однажды ее пациент с непривычной для него самого нетерпеливостью ждал начала своего сеанса. Он готов был решиться на следующий шаг: подать заявление о принятии его в психоаналитическое общество. Находясь еще дома, он ждал момента выхода из своей квартиры без каких-либо видимых намеков на нетерпение, спокойно читая газету. В какой-то момент, посмотрев на часы, он понимает, что может опоздать. Ах, только бы не сегодня!.. На бешеной скорости он спускается по лестнице, влетает в метро, садится в вагон и пытается опять читать газету. Перед закрытием дверей поезда, когда состав готов был уже тронуться, перед его глазами промелькнуло название станции, где ему нужно было выйти. Что делать? Перед ним встал выбор. Проехать назад одну станцию или добраться до дома психоаналитика бегом? Он выбирает второе. Еле дыша, набирает код входной двери, входит в приемную, садится, как всегда, и ждет. Проходит минута, очень долгая... Может, он забыл нажать на кнопку, извещающую о приходе нового посетителя? Он открывает дверь, проверяет. Все в порядке. Проходят еще минуты, ему казалось – целая вечность. Но что она делает? Нетерпение, еле сдерживаемая нервозность и возбуждение – все смешалось. Он опять открывает дверь и с грохотом ее закрывает. Кто-то пришел! Встревоженная всем этим шумом, который развеял свободно плавающее внимание аналитика и свободную ассоциацию лежащего на кушетке пациента, психоаналитик решает посмотреть, что там происходит. Она открывает дверь приемной и обнаруживает сидящего в кресле с оторопевшим видом пациента, который должен был явиться к 18 часам; она говорит ему: «Но вы пришли на полчаса раньше...»

Инфантильная сексуальность всегда проявляется неуместно, заявляя о себе очень рано. Нетерпение, доходящее до срыва, бессилие, переходящее в отчаяние... Даже если эта маленькая сценка не является первосценой, то очень ее напоминает. У инцестуозного желания тысяча и одна участь; одну из них демонстрирует анализант, который в своем стремлении стать психоаналитиком превращает кушетку в ложе Иокасты. Инфантилизм этого момента, свидетелями которого мы являемся, когда герой дня готов на все, чтобы завоевать свое место, ничем не отличается от торжествующей гордости Арпада, маленького человека-петуха Ференци. С уверенностью ни в чем не сомневающегося человека он заявляет своей соседке: «Я женюсь на тебе, на тебе и на твоей сестре, на трех двоюродных сестрах и на кухарке... Нет, не на кухарке, скорее всего, на матери». Этим все сказано: печатью первичного объекта любви, обязательно инцестуозного и недостижимого для обладания, отмечено множество замещающих этот первичный объект фигур.

Психоанализ трактует универсальность запрета на инцест по-своему: зачем запрещать нежелаемое? Запрет применяется только к желаемому. Фрэзер, автор книг «Золотая ветвь» и «Тотемизм и экзогамия», отмечал: универсальный запрет ведет к такому же универсальному обобщению инцестуозной потребности. Если «выбор» любого сексуального объекта является наследником инфантильной сексуальности, если каждый объект взрослой сексуальности несет на себе отпечаток первых объектов детства, тогда инцестуозное измерение является имманентным сексуальной жизни вообще. Инцестуозное измерение подпитывает (или нарушает) желание либо вынуждает применить запрет. Таким образом, первые объекты любви становятся объектами вины. «Запрещено любить именно тех, кого природа побуждает любить больше всего», и это вызывает отчаяние у многих людей, в частности, у маркиза де Сада.

Любовь к объекту – это потерянная любовь, целой жизни не хватит, чтобы попытаться вновь обрести ее. Одно из первых и основополагающих открытий психоанализа состоит в обнаружении в образе актуального объекта любви общих черт с первой любовью, какими бы отдаленными они ни казались. Так говорил Фрейд. Вспомним два примера, воспроизведенных/сконструированных в один и тот же период, в начале 1910 года.

Первый касается одного из представителей мужской гомосексуальности в целом, но одной из тех фигур, которые делают выбор эфеба и о которых пишет Фрейд в «Воспоминании детства Леонардо да Винчи». Между точкой отправления и конечной точкой любовного пути появляется сложный механизм зеркал, допускающий игру отражений и инверсию роли вплоть до тотального смешения. Полюбить молодого человека, который отражает влюбленного таким, каким он помнит себя в детстве, любимым своей матерью. Непрерывная любовь между матерью и сыном путем инверсии позиций, инверсии, разрешенной бессознательной идентификацией и нарциссической зеркальностью, пишет «Портрет Дориана Грея». Здесь мы видим, как из-за феномена сгущения идентификация может конденсировать идентичное и противоположное. С одной стороны, она обеспечивает постоянство первой формы любви, а с другой, участвует в вытеснении, отодвигая слишком инцестуозный объект. Женщины уходят из этой любовной жизни, только лишь когда одна из них навсегда завоевала свое место.

Бесспорно, сегодня мы подвержены искушению усложнять фрейдовский анализ. Речь не идет уже только лишь о фигуре нежной, чувственной матери. Она дублируется примитивной, бесцеремонной, даже преследующей тенью, чья гомосексуальная «чувственность», так легко задеваемая/ранимая словами другого, является лишь самым явным ее проявлением. *Homosексуальность* не рассматривается как недооценка инаковости, а скорее, наоборот, как ее чрезмерное признание.

Второй пример находится на другом полюсе широкого спектра мужской сексуальности: мужчина, обладающий женщинами, несколькими женщинами. По крайней мере, двумя – женой и дамой сердца, как было принято говорить в начале XX века, во времена Фрейда. Речь идет не столько о количестве женщин, о которых говорится в этом примере, сколько об упоминании своеобразной ситуации, в которой происходит то, что мы называем «самым распространенным унижением». Несомненно, частная жизнь и общепринятое поведение не имеют жестких границ, и Фрейд полагает, что это является определяющей чертой мужской сексуальности.

Проститутка, кокетка, «артистка любви»... После романа Золя таких «униженных» женщин стали называть *Нана*. Это та женщина, с которой позволено давать волю нерафинированным вариантам сексуальной жизни. В недавнем фильме герой-гангстер отвечает своему «пси», который спрашивает его, почему он не позволяет себе такого же подготовительного акта со своей женой: «Вы что, этим ртом она целует каждое утро моих детей» – данный пример обогащает перечень того, что Франсуаза Эритье назвала «инцестом второго типа». Одну («актрису») мужчина наделяет чувственностью, другую (жену) – нежностью. У бедных мужчин это разделено надвое: «там, где любят, не могут желать, там, где желают, не могут любить». Вывод, к которому приходит Фрейд, одновременно неприятный и парадоксальный: чтобы по-настоящему быть свободным и счастливым в любовной жизни, надо перебороть уважение к женщине и «ознакомить» ее с репрезентациями инцеста. Как понимать это «ознакомление», позволяющее переживать психически фантазм первоспены, со всем ее насилием и всеми преувеличениями? Унижение (*Erniedrigung*) имеет одновременно и метафорический смысл (низкого качества), и прямой – *снизу* (*nieder*), а мужчина *сзади* (*a tergo*), – та к выходит из-под пера Фрейда, на «респектабельном» языке, на котором он мог сказать то, о чем не принято было говорить. Инцестуозное бессознательное не делает различий, оно разделяет и сохраняет первый объект в двух противоположных аспектах: с одной стороны – Мадонна, с другой – блудница.

Два примера, две судьбы непрерывной любви сына к матери, начиная с раннего периода. Именно так трактует Фрейд инцестуозное желание, с точки зрения ребенка, верного своей пер-

вой любви. При этом в обоих случаях позиция взрослого и его сексуальность, скажем, точка зрения Федры, не игнорируется полностью, она, по крайней мере, подразумевается. «Блудница» – это та которая вступает – пусть даже и один раз! – в сексуальную связь с другим – такого ни одной матери не прощается. Каждый ребенок рождается из предательства материнской любви! Что касается Катерины, матери Леонардо, женщины, «не получающей сексуального удовлетворения, ставящей сына на место мужа», то почувствовав себя матерью, она превратилась в воплощение самого сладострастия.

Беглое припоминание фрейдовских клинических образов, начиная с матери «маленького Ганса», которая никуда не ходит без своего сына, беря его в свою кровать и даже в туалет, и заканчивая отцом, который «делает все», чтобы завоевать любовь своей маленькой дочери, которой снится, что «ребенка бьют», – такое прочтение демонстрирует, что всегда присутствует образ страстно желающего взрослого, даже если он и остается на втором плане. Случается, что Фрейд в некоторых случаях переворачивает инцестуозную проблематику и открывает такие перспективы, на которые обратили внимание лишь впоследствии⁸.

Самым радикальным текстом является именно «Воспоминание детства Леонардо да Винчи» Оставляя в стороне своеобразную мать-соблазнительницу Катерину, Фрейд размышляет обо всех матерях, которые из-за невежества по своей прихоти путают любовь и заботу. Далее он пишет: «Любовь матери к своему младенцу, которого она кормит грудью и о котором заботится, есть что-то более глубокое, чем последующая привязанность к выросшему ребенку, подростку. Эта любовь по своей природе похожа на совершенную любовную связь, удовлетворяющую не только все психические, но и телесные потребности, и пока она позволяет переживать одну из высших форм счастья, доступного человеческому существу, мать чувствует себя вправе удовлетворять, без угрызений совести, давно вытесненные желания, которые мы обычно называем перверсными»⁹. Итак, это позиция взрослого, но, следует отметить, не взрослой сексуальности. И в случае ребенка, и в случае взрослого к инцестуозности стремится ребенок, а, точнее, присутствует инфантильная сексуальность. «Полиморфная» мать, которая ласкает, обнимает, убаюкивает, кормит грудью, согревая своим телом, воспринимает ребенка как полноценный заместитель сексуального объекта, а сама является ребенком собственной сексуальности.

* * *

Если мы переходим от инцестуозного желания ребенка к (педофильному) желанию взрослого, мы приближаемся, собственно, к инцесту, то есть к преступлению, к акту, нарушающему универсальный запрет. При этом весьма непросто понять переход из инцестуозной атмосферы инфантильной сексуальности к реальному совершению преступления. Согласно фантазму, инсценированному бессознательным желанием, преступление уже совершено, ибо желать – значит совершать, даже если каждый только мечтает об этом, хотя и по-своему. Мифы говорят о том же, идет ли речь об «Эдипе-царе» Софокла или о древних сказаниях индейцев: меры предосторожности, принятые для того, чтобы избежать инцеста, делают его неотвратимым¹⁰. Отказ от желания соития «всегда и везде» исключает переход к действию, хотя известно, как показывает статистика, что «исключение» встречается достаточно часто. Подобный разрыв непрерывности между желанием и актом его исполнения показывает, что акт не

⁸ Комментарий Ференци о взрослой «страсти», продолжающийся размышлениями Лапланша о теории соблазнения, Лакан, рассуждающий об отчуждении из-за желания другого, а также ряд авторов, разработавших теорию психозов.

⁹ Gallimard, 1987, p. 146.

¹⁰ Ср.: C. Levi Strauss. *Leçon inaugurale au Collège de France* (1960), p. 31.

является естественным осуществлением желания. Можно ли тогда говорить о простом «переходе» от одного к другому?

Для продвижения вперед нам, бесспорно, придется оставить в стороне индивидуальные особенности редко встречающейся психопатологии и перейти к часто встречающимся видам. Существует большая разница между более сильным, чем дозволено, волнением, которое испытывает отчим к началу пубертата своей падчерицы, и отцом, который злоупотребляет, вплоть до насилия, над своим 4–5 летним ребенком, мальчиком или девочкой, а может, и над обоими. Материнский же инцест заканчивается скорее в отделении психиатрии, чем в суде.

Какие желания исполняются путем совершения этих актов, если предположить, что такая «готовая» формула не является сама по себе препятствием для понимания совершенных актов? Каждый криминальный случай явно подтверждает, что такого рода преступления не вписываются в ряд преступлений, связанных с реализацией эдипова желания. Для того чтобы эдипова трагедия была сыграна, предполагается такое развитие психического аппарата, при котором достигается хотя бы одно психическое различие, а именно между Я и объектом, констатация потери объекта и появление «объектализации» как его прямого результата. *Потеря* одновременно предупреждает о *присутствии* другого, который станет третьим, но это позже, после катастрофы, после «окончательного» установления различия между полами и между поколениями.

Существуют инцестуозные акты, «соблюдающие» дифференциацию между полами и поколениями – и даже автономию объекта, – которые чаще всего избегают судебной участи: акты между братом и сестрой. Обратимся, например, к средиземноморской культуре, где отношения «брат – сестра» глубоко пропитаны традицией и где долг брата состоит в том, чтобы быть хранителем целомудрия сестры и чести семьи.

Однако от хранителя до обладателя всего лишь один шаг.

Такое правонарушение, несомненно, оставляет свои следы, не сравнимые все же с губительными психическими последствиями, вызванными инцестом взрослого по отношению к ребенку, особенно когда дело касается однополых отношений. Датский фильм «Торжество» Т. Винтерберга предлагает, используя для этого метафору семейного праздника саморазрушающейся семьи, тонкую репрезентацию возможного диапазона несчастий, спровоцированных инцестуозным поведением отца со своими детьми независимо от пола, на глазах у не столь потокающей, сколь шизоидной матери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.